

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭМИГРАЦИЯ В АВСТРАЛИИ

(конец XIX — начало XX в.)

Татьяна Николаевна ЯСЬКО,
кандидат исторических наук

Эмиграция населения на различных этапах истории вызывалась, естественно, разными причинами. Чаще всего то были экономические, религиозные, политические мотивы. Это относится и к эмиграционному движению из России, широкое начало которого происходит в 70—80-е годы XIX в. Наибольшее число эмигрантов отправлялись в США, страны Латинской Америки, другие уезжали в Южную Африку и лишь очень немногие направлялись на пятый континент, в Австралию. Сложности дальней дороги отпугивали людей. И все-таки некоторые, прослышав о «райской стране», отправлялись в далекую дорогу.

Большинство русских переселенцев не имели средств, чтобы воспользоваться услугами эмигрантских контор. В основном уезжали крестьяне, черноработные или лица без определенной профессии, что было очень характерно для покидавших Россию. Обычно они добирались до Австралии, нанимаясь матросами и кочегарами на попутные суда. Основным местом поселения приезжавших стал Квинсленд, так как столица штата, город Брисбен, был первым большим портом, в который заходили пароходы из Японии и Китая. Первые русские — шахтеры, крестьяне, батраки появились здесь в 80-х годах XIX в. В 90-е годы число переселенцев заметно увеличилось. Официальная перепись 1901 г. насчитала 3358 выходцев из России, а по переписи 1911 г., их число возросло до 4456 чел.¹.

Среди приезжавших в Австралию выделялась группа политических эмигрантов; они вынуждены были покинуть Россию после поражения революции 1905—1907 гг. В числе таких эмигрантов был Виктор Курнатовский — организатор «Читинской республики». Он учился в Московском и Петербургском университетах, закончил Цюрихский политический институт, участвовал в группе «Освобождения труда», неоднократно встречался с Г.В. Плехановым и В.И. Лениным. В Австралии он работал на фабрике, пробивал тоннели в горных породах. Он не был физически крепким, и работа быстро подорвала его здоровье. Курнатовский серьезно заболел. При содействии В.И. Ленина удалось оплатить его проезд в Европу, но в 1912 г. Курнатовский умер в Париже.

Многим российским ссыльным помогала добраться до пятого континента «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская. Помогла она и Петру Уткину, еще в 1906 г. в Казани примкнувшему к партии эсеров. Его не раз арестовывали, он жил в изгнании, а в 1913 г. бежал из Сибири в Австралию. Здесь же оказался и уроженец Саратова левый эсер Герман Быков.

Среди эмигрантов социал-демократического толка больше всех был известен Федор Андреевич Сергеев, которого больше знали под именем Артем; австралийцы же называли его кратко — Том. В революционном движении он был с 1901 г. Поступив в Московское высшее техническое училище, он участвовал в студенческих кружках, выполнял задания Московского комитета РСДРП. За противозаконную деятельность был исключен из училища, арестован и отправлен в воронежскую тюрьму. Выйдя оттуда зимой 1902 г., эмигрировал во Францию, где познакомился с В.И. Лениным. В 1903 г. был агентом «Искры» на Украине. В 1905 г. руководил вооруженным мятежом в Харькове. Возглавляя Пермский комитет партии, был арестован и приговорен к пожизненной ссылке в Иркутскую губернию. В 1907 г. Артем бежал из этой ссылки и через Харбин, Нагасаки, Шанхай и Гонконг, попеременно работая кочегаром, пекарем, грузчиком, в июне 1911 г. попал в Брисбен. Как и многие приезжие, он был без копейки денег.

За семь лет, которые он прожил в Австралии, его близко узнали докеры, железнодорожники и другие рабочие. Артем был лесорубом, докером — членом федерации портовиков, работал на бойнях, позже — на прокладке железнодорожного полотна.

Политэмигранты составляли небольшую часть переселенцев, их было около 500 чел.² Тем не менее они стремились распространить свое влияние, идеологически обработать по возможности всех своих соотечественников. Задача для них была непростая, поскольку большинство эмигрантов мечтали получше обустроиться, побольше заработать и «вернуться с деньгами в Россию». И политическая борьба их не интересовала, мало прельщала.

Конечно, эмигранты, попавшие из России с ее социальными бурями во внешне более чем благополучное австралийское общество, испытывали настоящее потрясение. Об особенностях трудовых отношений в этой стране много писал Артем в своих письмах и статьях. Он полагал, что Австралия — одна из лучших стран для рабочего. «Удивительно хорошая, спокойная страна Австралия. В ней чувствуешь себя уверенно. Просторная, свободная, богатая... Не избытком, а недостатком людей страдает здесь страна. Требование на рабочие руки всегда высоко. Рабочий чувствует себя спокойно, уверенно»³.

Однако это не означало, что на пятом континенте уже к началу XX столетия были решены все социальные проблемы. Что касается эмигрантов, то они наблюдали, как зажиточно жили австралийцы — рабочие, фермеры, но и среди австралийских трудящихся также не все могли купить собственный дом, многие бедствовали.

Австралийские предприниматели, используя богатейший опыт британской буржуазии, искусно проводили политику социальной коммуникации, готовы были идти на те или иные уступки рабочим, считая для себя выгодным удовлетворять их материальные потребности.

Однако социальные конфликты проявлялись, и временами остро, выливаясь в стачки, демонстрации, схватки с полицией. Тогда власти не останавливались перед применением силы⁴. Сцены подавления недовольных нередко происходили в Квинсленде, где сильно было влияние наиболее консервативной части правящего класса — плантаторов-латифундистов и богатых фермеров. «Правительство нашего штата, — подчеркивал Артем, — правитель-

ство купцов и плантаторов. Правительство деревни, а не города... Для него рабочий — раб; и оно отказывает ему даже в тех правах, какие предоставлены законами»⁵.

В Австралии русские политэмигранты участвовали в рабочем движении, которое имело свою специфику. В нем почти безраздельно господствовали социал-реформистские, националистические настроения. Нетерпимость к чужакам-небританцам диктовалась особенностями формирования национального самосознания, стремлением утвердить собственное превосходство. Это было ответной реакцией молодой нации на отставание от Старого Света в экономике и культуре. Не меньшую роль играло желание австралийских рабочих оградить себя от конкуренции на внутреннем рынке труда, которую рождал неконтролируемый поток эмиграции. Особенно негативно относились к «цветным», готовым работать за гроши. С конца XX в. расизм стал неотъемлемым элементом австралийского рабочего движения. Австралийцы гордились тем, что их государство чище и лучше метрополии, которая пускает в свои пределы кули, канаков, «ниггеров». Русские же на уровне обыденного сознания представлялись чем-то вроде полуварваров, также приехавших «отбивать» хлеб у местных жителей. С подобными обвинениями нередко приходилось сталкиваться Союзу русских эмигрантов. Австралийский рабочий союз пытался лишить русских работы на том основании, что они, дескать, не европейцы, т.е. опять-таки азиаты. Иностранцы находились в неравном положении с англичанами и австралийцами, им не удавалось найти постоянного заработка, сделать какие-либо накопления.

В штате Квинсленд в 1910 г. был создан Союз русских эмигрантов. В него входили рабочие и интеллигенты русского происхождения. Вначале это была весьма аморфная организация, занимавшаяся в основном культурно-просветительской работой и материальной поддержкой прибывавших в Квинсленд русских эмигрантов. Несогласие и споры внутри союза вполне соответствовали его составу. В него входили большевики и эсеры, меньшевики и бундовцы, польские и литовские социал-демократы, члены латышской социал-демократической рабочей партии, польские социалисты, анархисты. Находились среди эмигрантов и черносотенцы, и монархисты, встречались и агенты-провокаторы, выполнявшие поручения генерального консула России князя Александра Абазы и австралийской полиции.

С первого дня своего вступления в Союз русских эмигрантов Артем предлагал усилия, чтобы превратить его в организацию, консолидировавшуюся на социал-демократической платформе. Но проводить организационную работу оказалось непросто: большая часть эмигрантов была разбросана по всему штату. Помог случай. Федеральное австралийское правительство повело переговоры с союзом об устройстве на севере Австралии русской колонии. Чтобы решить эту проблему, требовалось созвать общее собрание союза, которое и было назначено на рождество 1911 г. Широко оповещенные о предстоящем собрании русские эмигранты собрались в Брисбене. На собрании обсуждалось два предложения. Первое — о ликвидации союза и об организации кружка русских интеллигентов. Второе предложение — против роспуска, его высказал делегат строителей железных дорог Федор Сергеев⁶. Он предложил собранию план новой структуры и устава организации русских эмигрантов. Он резко, в большевистском духе выступил против попыток ликвидации организации, сказав, что в России, мол, снова поднимается революционное движение и недалеко то время, когда русские люди, где бы они ни были, смогут понадобиться на родине⁷. Выступление Артема было решающим. План реорганизации, представленный им, приняли без возражений. Согласно этому плану, на

местах организовывались самостоятельные ячейки союза, входившие в качестве коллективных членов в центральный союз. Председателем Союза русских эмигрантов был избран Артем, секретарем — Серешенинов.

В обновленном союзе пошла работа: был разработан устав, план организации русской газеты, выписана революционная литература из Западной Европы. Вскоре организация стала массовой и богатой материально⁸.

Были созданы Общество помощи политкаторжанам, передвижная библиотека, налажены связи с комитетом зарубежных организаций РСДРП(б). Собирались средства для помощи семьям погибших во время Ленского расстрела, сибирским ссыльным. Удалось наладить достаточно интересную общественную и культурную жизнь. Устраивались вечера, на которых помимо танцев давались и театральные представления.

В Союзе русских эмигрантов активно работали А. Серешенинов, С.В. Богуславский, Я.П. Гайлит-Калинин, И.Г. Кушнарев, М.И. Прохоров, А.П. Воробьев, Е.К. Ковальчук, М.Я. Михайлов, Н.М. Фищенко, П.В. Алексеев, С.Я. Алымов, В.И. Подзаходников, Б.И. Вейде-Иогансен, Н.М. Власов, Г.Ф. Токмачев, О.Е. Марцинковский и другие социал-демократы. Важное значение придавалось прессе. Из США был выписан русский шрифт, удалось достать деньги и оборудовать типографию. С июня 1912 г. стала выходить газета «Эхо Австралии», быстро завоевавшая популярность. Газета живо отзывалась на самые жгучие вопросы жизни. Описывались условия труда эмигрантов, обсуждалась и критиковалась политика местного правительства. В результате власти, конечно, закрыли газету. Артем, поступив по-большевистски, переименовал газету в «Жизнь рабочего», и издание продолжало выходить. Позже газета получила еще одно название «Известия Союза русских эмигрантов».

Союз сотрудничал с австралийскими тред-юнионами. В стачке трамвайщиков 1912 г. русские эмигранты — социал-демократы показали себя последовательными бойцами, на что обратили серьезное внимание власти⁹. Когда в 1913 г. началась забастовка сиднейских газовщиков, Союз русских эмигрантов добился ее поддержки брисбенскими рабочими: была приостановлена поставка в Сидней ряда материалов, необходимых для работы газовых заводов.

Серьезным испытанием для русских эмигрантов стала борьба совместно с австралийскими рабочими за свободу слова. Брисбенская полиция запрещала социалистам проводить собрания по воскресным дням, хотя это противоречило конституции. Протестуя словом и делом, ораторы-социалисты каждый выходной выступали перед рабочими, собирая многочисленные аудитории. Многих, естественно, арестовывали, был арестован и Артем. О суде и своем пребывании в брисбенской тюрьме он написал ряд очерков¹⁰.

Подрывная деятельность Союза русских эмигрантов испортила окончательно и бесповоротно его отношения с властями. Последние укрепились во мнении, что русские социал-демократы нежелательные элементы в штате. Среди эмигрантов, как выяснили власти, почти нет настоящих крестьян, которые могли бы осесть на земле, а в основном это «грязные», опустившиеся личности. Министр внутренних дел требовал, чтобы «полиция не спускала глаз с этих людей». В мае 1912 г. премьер штата Дигби Дэнхэм стал просить главу федерального кабинета Эндрю Фишера «использовать средства, которыми он располагает», включая Акт об ограничении эмиграции, чтобы «выгнать этих русских азиатов». Последних спас только цвет кожи. Новый премьер-министр страны Джозеф Кук, сообщил в Квинсленд, что все-таки негоже высылать «русских, принадлежавших к европейской расе»¹¹. Тем не менее многие русские продолжали пользоваться сомнительной репутацией.

У властей были основания опасаться этих беспокойных эмигрантов. В статье «Союз русских рабочих в Австралии», опубликованной журналом «Коммунистический интернационал» уже в 1920 г., говорилось, что после проведения кампании за свободу слова и в защиту «идей революционного индустриализма» русские эмигранты социал-демократы оказались в авангарде борьбы за социализм»¹².

Среди части австралийских трудящихся росло уважение к людям, отличавшимся стойкостью, определенной последовательностью и бескорытием. «Благодаря деятельности Артема, — писал И.Н. Мошинский, — взгляд английских жителей на русских эмигрантов совершенно изменился... теперь имя русского эмигранта в Австралии стало званием борца за рабочее дело»¹³.

Политэмигранты считали своим долгом и обязанностью состоять в Австралийской социалистической партии (АСП), Квинслендской социалистической лиге (КСЛ) или других социалистических организациях. Особенно много русских входили в организацию Индустриальные рабочие мира (ИРМ). Эти организации привлекали их боевитостью, неприятием соглашательской линии, впоследствии многие члены ИРМ примкнули к коммунистическому движению. Членом ИРМ был один из соратников Артема П.Ф. Симонов. Сам Артем входил в Австралийскую социалистическую партию.

В годы первой мировой войны, усилившей противоречия в обществе и расколовшей рабочее движение, Союз русских эмигрантов стал именоваться Союзом российских рабочих (СРР) и превратился в одного из самых яростных противников войны. Это возмущало австралийцев, восхищавшихся военными усилиями России — союзника по Антанте. Поэтому русских политэмигрантов они называли трусами и дезертирами, отсиживающимися на пятом континенте, в то время как их братья в России вместе с союзниками героически противостоят войскам германского кайзера. Когда же выяснилось, что часть русских не просто саботируют войну, а пытаются помешать участию в ней австралийских парней, все больше голосов в стране стали требовать выслать таких эмигрантов из страны, передать их в руки правительства России. Идя навстречу пожеланию правительства России, кабинет министров обязал эмигрантов или идти в армию, или работать на военных предприятиях. Им было запрещено работать в гражданском секторе, если они не имели документов об освобождении от военной службы. Некоторые отправлялись на фронт, рискуя попасть в тюрьму, занимались пацифистской деятельностью.

Федеральные австралийские власти закрывали пробольшевистские печатные издания. В 1916 г. была закрыта газета «Известия Союза русских эмигрантов», ее выпуск с большим трудом удалось возобновить под названием «Рабочая жизнь». Во главе редакции стояли Е.Б. Таранов-Сквирский, поэт С.Я. Алымов и П.Ф. Симонов. Обстановка по-прежнему оставалась сложной, работать было нелегко. Однако к концу войны авторитет Союза российских рабочих и других социалистических организаций резко вырос.

Наступил новый, 1917 г. В России назревали события большого исторического значения. Телеграф донес весть о Февральской революции и в далекую Австралию. Она поразила воображение австралийцев, полагавших, что Россия наконец-то выступает на конституционно-демократический путь. Кроме того, энтузиазм вызывала надежда, что после Февраля Петербург обязательно внесет большой вклад в войну с Германией.

Газета «Рабочая жизнь» стремилась в меру своих возможностей удовлетворить огромный интерес читателей к переменам в России. Первый номер, вышедший после известий о Февральской революции, был напечатан красной

краской. Эмигранты публиковали многочисленные статьи о людях, оставивших заметный след в революционном движении: Е. Брешко-Брешковской, В. Фигнер, Г. Лопатине, Н. Морозове.

Перед русскими изгнанниками встал вопрос о возвращении на родину. Временное правительство России обеспечивало им бесплатный проезд, и около 500 эмигрантов покинули пятый континент. Специальный комитет, в состав которого входили Артем, С.В. Богуславский, В. Прокопьев, И Грей, А. Воробьев, организовал отъезд. Группа русских во главе с П. Уткиным отплыла из Брисбена 25 июня на японском почтовом судне «Аки-мару». Их провожали много эмигрантов и австралийцев, собравшихся на пристани с красными знаменами, певших революционные песни. «Прощание было впечатляющим и эмоциональным», вспоминал Петр Уткин, расставались люди, которых сплотили «многие годы совместной жизни в Австралии»¹⁴.

Возвращение на родину было сопряжено с немалыми сложностями, поскольку генеральный консул князь Александр Абаза не всякому русскому выдавал паспорт: политически неблагонадежные задерживались на пятом континенте. В частности, не смог выехать Петр Симонов, которого князь охарактеризовал как «ненужного России анархического элемента»¹⁵. В сложном положении оказался и большевик Артем. Немедленно после известия о Февральской революции в России он стал собираться на родину. Но до этого Артем принял австралийское гражданство и, таким образом, лишился права покидать страну в военное время вместе с другими эмигрантами. Кстати, многие его друзья думали, что он навсегда обосновался в Австралии, женившись на Мине, австралийке, заведя детей и став хозяином своего дома¹⁶.

Однако эти сомнения оказались напрасными. Артем остался верен обещанию, данному себе: «Я никогда, я так думаю, не стану изменником движению, которого я стал частью. Я был, есть и буду членом своей партии, в каком бы уголке земного шара я ни находился. Не потому, что я дал аннибалову клятву, а потому лишь, что я не могу быть не мной»¹⁷. Безжалостно бросив все, что связывало его с Австралией, что, казалось бы, стало родным и близким, Артем нанялся на работу в Австралийскую мясную компанию в порту Дарвин. И отсюда он нелегальным путем бежал в Шанхай, а затем — во Владивосток.

По мере того как все больше эмигрантов возвращались в Россию, в Союзе российских рабочих обострилась идейно-политическая борьба. Петр Симонов подтверждал: «Мы... переживали почти фактически всю революционную борьбу, происходившую в самой России»¹⁸.

Подавляющее число эмигрантов — членов союза с восторгом приняли Февраль, приветствовали Временное правительство. 19 марта на общем собрании, избравшем секретарем Петра Уткина, был утвержден текст телеграммы Керенскому и Думе, в которой поддерживалась власть, установившаяся в России. Для большинства общим было чувство радости, казалось, что все беды уже позади и теперь многое изменится. Только пробольшевистская секция в Брокен-Хилле, которой руководил П. Симонов, выразила недоверие Временному правительству и высказалась за переход власти к Петросовету.

Петр Симонов и «симоновская красная гвардия», как прозвали его сторонников, активно пытались привлечь на свою сторону большинство членов союза, но расстановка сил была не в их пользу. В частности, многие осуждали большевистскую политику в вопросах войны и мира, подчеркивая, что и теперь, после революции, они не желают поражения своей стране, Ленина они воспринимали как чересчур экстремистского деятеля.

К концу лета обстановка в Союзе российских рабочих изменилась. После отъезда в Россию группы Петра Уткина к руководству СРР пришли большевистски настроенные эмигранты. В Союзе вновь обострилась борьба. Дело доходило до кулачных боев, но и в конечном счете большевики закрепили за собой монопольное право представлять русский народ в Австралии. Октябрьская революция еще больше укрепила их позиции в эмигрантских организациях.

Впечатление от Октября в австралийском обществе было не менее сильным, чем от Февраля, но во многом иным. Симпатии и антипатии теперь разделились четко. Австралийская пресса вынесла суровый приговор событиям в России. Русский народ доказал, писала газета «Вест Острэйлиен», что «он совершенно безнадежен и совершенно не подходит для свободы в том смысле, в каком это понятие отвечает мировоззрению западных демократических наций». По мере развития событий в России в первые послереволюционные годы тон прессы становился все более категоричным, в статьях отмечалось, что «большевики не отражают воли народа»¹⁹. Рабочая пресса возмущалась такими оценками. Это возмущение разделяли многие трудящиеся, лейбористы.

К октябрю 1917 г. в стране оставалось от 3 до 4 тыс. эмигрантов²⁰. Союз был вновь переименован, теперь он стал называться Союзом российских рабочих-коммунистов. Русские, чувствуя себя полномочными представителями большевистской партии, стремились идти в авангарде социальной борьбы, но многие покидали пределы пятого континента.

Организация эмигрантов-революционеров окончательно прекратила свое существование после окончания второй мировой войны: одни возвратились на родину, другие стали работать в Обществе австрало-советской дружбы.

¹ Оболенский-Осинский В.В. Международные и межконтинентальные миграции. М., 1928. С.18.

² Рудницкий А.Ю. Другая жизнь и берег дальний. М., 1991. С.75.

³ Могилевский Б.Л. Артем (Федор Сергеев). М., 1960. С.254—255.

⁴ Артем (Ф.А. Сергеев) Статьи, речи, письма. М., 1983. С.99—100.

⁵ Там же. С.100.

⁶ Могилевский Б.Л. Артем... С.258.

⁷ Мошинский И.Н. Артем в изгнании. М., 1930. С.21.

⁸ Там же.

⁹ Артем (Ф.А. Сергеев) Статьи, речи... С.103.

¹⁰ Артем (Ф. Сергеев). Счастливая страна: Австралийские очерки. 1926.

¹¹ Рудницкий А.Ю. Другая жизнь... С.85.

¹² Коммунистический Интернационал. 1920. №11.

¹³ Мошинский И.Н. Артем в изгнании. С.23.

¹⁴ Рудницкий А.Ю. Другая жизнь... С.97.

¹⁵ Международная жизнь. М., 1922. №15. С.61.

¹⁶ Наседкин В.Н. Пятнадцать лет скитаний по земному шару. М., 1963. С.55—56.

¹⁷ Артем (Ф.А. Сергеев). Статьи, речи... С.108.

¹⁸ Международная жизнь. М., 1922, №15. С.61.

¹⁹ Рудницкий А.Ю. Другая жизнь... С.100.

²⁰ Коммунистический Интернационал. М., 1920. №11.

SUMMARY: The article by Candidate of Historical Sciences Tatiyana Yas'ko «Revolutionary Emigration to Australia» analyses the activity of a Russian emigre who left Russia after the defeat of the Russian Revolutions of 1905—1907. The author characterizes the activity of a Bolshevik emigre, Artyom (F.A.Sergeev) in detail. Artyom and his comrades took part in the workers' movement in Australia. The Union of the Russian Emigre was headed by Artyom for some period of time; its activity was ceased after the Second World War. The author elucidates its activity in the article.